

**И полыхал пожар дождя...
(2009)**

Редактор-составитель электронной версии сборника Сергей Сычев

«**И полыхал пожар дождя...**» – десятый и последний по состоянию на сентябрь 2012 года сборник стихов поэта Алексея Горобца из станицы Полтавской Краснодарского края.

Из аннотации к книге: «Поэзия Алексея Горобца грустна, но необычайно светла. Она мудра и до предела искренна. В новом – десятом – поэтическом сборнике автор остаётся верен столь характерной для него любовной и философской тематике. Помимо новых стихотворений в сборник включены и некоторые стихи из предыдущих изданий.»

Десятый, «юбилейный» сборник стихов Алексея Горобца порадует любителей поэзии новыми стихами, как всегда наполненными философской глубиной и богатой образностью. Порой неожиданно, но умело и без фальши поэт окрашивает некоторые из своих творений в ноты любовной грусти. Вместе с тем, автор отчасти возвращается к забытым, казалось, поискам новых средств выражения поэтического слова и себя в нём (см. сборник «Простудятся в траве босые осы...»), что, безусловно, разнообразит палитру красок данной книжки и даёт читателям, знакомым с прошлым творчеством Алексея Горобца, заметную новизну ощущений. По-новому, порой даже непривычно дерзко, в новых ритмах и с новым чувством поэт заговорил с читателем в стихотворениях «... Усталая мгла поспешает навстречу рассвету», «... Окна распахнутая книга, дверной косяк», «... Ничто не вечно – молкнут песни» и др. Стихотворение же «... Обэриутская лексика белых снов» явилось прямым вызовом новомодной современной поэзии почти без смысла, формы и содержания, кочующей из одного толстого журнала в другой с единственной целью – эпатировать публику, привлекать внимание, повышая тем самым тиражи и отвечая на любую критику по бендеровскому принципу: «сам дурак!» и «я так вижу!»

Отдал в этом сборнике поэт и дань своей молодости. Замечательное задорное стихотворение «... Под мелким, под мерзким дождиком», датированное аж 1959 годом, по качеству поэзии несколько не уступает стихотворениям последних лет.

Что ж, читаем и радуемся. А автору желаем долгих лет жизни, новых стихов и новых сборников.

Алексей Борисович Горобец родился в 1936 году в Краснодаре. В 1960 году окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию им. С.М.Кирова,

служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Автор десяти поэтических сборников, член Союза писателей России, публиковался в журналах «День и ночь», «Наш современник», «Континент», других периодических изданиях, лауреат литературной премии «Медицинской газеты». Стихи А.Горобца включены в антологию поэзии XXI века.

* * *

Шиповник обезумел от весны –
От этих гроз,
От этой влажной страсти!

Но суховеев пыльные ненастья
Свершат своё,
Свирепы и скушны.

И вот –
Цветов запёкшаяся кровь,
Сухой реки разбитое корыто...

Нам доживать – колючим и забытым –
И в прошлое
Стучаться вновь и вновь...

Тая в душе прощённую любовь

И в сердце –
Непрощённую обиду.

* * *

Журавль колодезный,
Сухой ветлы распяты,
Плетень, копны колючая постель.
Переплелись в восторженном объёме
Ночная повитель и жаркий хмель.

А наше счастье нас не одолело –
Жизнь поднесла нам горестную чушь:
Всё, чем любовь нас одарила смело,

Ты убережь,
Сбережь для нас хотела...

Но совместить, конечно, не посмела
Сплетенье тел с антагонизмом душ.

* * *

Её искал я три нелёгких дня.
Мы, наконец, друг друга повстречали.
И вот она взглянула на меня
Разбойными холодными очами.

Мы замерли.
И сразу, вразворот,
Она рванулась – выстрелу навстречу!..
И захрипев,
Свалилась на живот,
Под шерстью напрягая волчьи плечи.

Багрилась волчьей яростью земля,
На мёртвых травах слёзы замерзали.

И мир смотрел, ощеряясь, на меня
Моими
Опустевшими глазами.

1957-1958

* * *

Отсуетилось лето. Волчьи броды
Заилились. Покой большой реки
Объемлет душу. Призраки свободы –
Обрывки туч – чужим ветрам в угоду
Плывут вверху, легки и далеки.

Плывут,
И след дождя на снежном насте
Всё явственней напомним волчий след,
И передыху не было и нет
В чреде тебе ниспосланных ненастий
И липких зол, и неотвязных бед.

И что теперь пенять и обижаться
На хлад и сумрак, иней на ветвях,
Когда в околках, в колких кучерях
Терновников,
Чья участь – безучастье,

Всё явственней осенний ветер счастья

И зимний ужас,
И весенний страх.

* * *

Ночной фонарь полудневного света
Искрит, роняя слёзы в темноту.
Ночь не проснулась, дремлет, не одета,
Дневную отвергая маяту.

А луч закатный
Чуть подзадержался
На крышах, куполах
И всё не гас:
Он что-то знал,
Он к нам взывал, старался!..

И со своей бедой один остался...

И тихо сник,
Уже не веря в нас.

* * *

Усталая мгла
Поспешает навстречу рассвету.
Вспотели витрины, остыли ночные огни.

Прозящему дай.
И забудь, и не будем об этом:
Поверим, что звёзды –
Кометы, планеты, ракеты –
Не то, чтоб угасли, но просто остались одни.

Прозящему – дай.
Не рядись крохобором и жмотом.
И замыслов сложных, и ложных надежд не таи.
Слонов – отпусти!
Раздари их поштучно и оптом.
А всё, что осталось – оставь.
И люби, и терпи.

Осталось чуть-чуть?

Ну так пусть себе и остаётся
Вот этой вот моросью мелких осенних тревог,
Пожухлой листвой, уплатившей свой жёлтый оброк,

А ближе к зиме – той позёмкой,
Что тихо займётся

Печалью и мороком наших небесных дорог.

* * *

Скушна зима
В предъюжном нашем крае:
Прохладно солнце, слякотен мороз,
И снег ни в снег, и как-то забывая
О сквозняках и тишиной пугая,
Замшел мой дом и трын-травой порос.

А я всё жду,
Всё жду ещё, что ты мне
Вернёшь себя: оттаяв и прозрев,
Вернёшь свой тайный, свой ночной распев –

Тот плеск любви –
Пусть слякотный и зимний –
Когда и дымь, и темь,
И колкий иней,

И злой обвал
Твоих весенних ливней
В зелёной мгле ликующих деревьев!..

* * *

Он всё перемочалит в одночасье,
Стремительный технический прогресс!
Ну что тут скажешь! – понял лишь сейчас я,
Какое это счастье – зимний лес!

Какая это благодать – корневища,
Стволы и пни, сугробы, бурелом!
Сверкнёт лыжня – и снегири освищут
Тебя – и пригласят в свой зимний дом.

И дуб в снегу, и старая сторожка,
И совы хулиганят налегке...

И ревность – та, что в злобном тупике
Изъела душу –
Помолчит немножко,

Ощерится –
И на паучьих ножках

Уйдёт по замерзающей реке.

* * *

Промоклые, растрёпанные ветры
В цветочной вьюге белого огня
Разносят вести и дают советы
Раскрытым окнам, ставнями гремя.

Пьют облака и разгоняют ливни,
Вразнос ревнуют, злятся на износ,
Наивны и всему альтернативны,
В своём угледе так и не простив мне

Твоих объятий,
Губ твоих
И слёз...

* * *

Колючий стог –
Тебя он не излечит
От глупости зачитывать до дыр
Ночную звезду!
Поразмышляй, что вечен –
Взаправду вечен! – этот шаткий мир.

А время?
Да, конечно, быстротечность
Его печальна, и в своей нудьбе
Ты о себе слегка заводишь речь, но
Не слишком веришь звёздной ворожке.

И бесконечна вечная беспечность

Падучих звёзд –
И пусть, им не отвлечь нас!..

И сном и сеном
Дышит бесконечность,

И вечность размышляет о тебе...

Аудиофайл к стихотворению:

<http://www.stihophone.ru/works.php?G=12&ID=19082>

* * *

Споткнёшься мысленно
И сникнешь в разговоре,
И замолчишь, забыв порядок слов.
Прельщенье женским телом переспорит,
Оспорит всё, что ты твердить готов.

А грех унынья – что нам грех унынья!
Греховных помыслов моторная метла
Тебя сорвала и несёт – отныне
И присно! – и два огненных крыла
Твоей любви за ней не поспевают,
И ты теряешь разум – и никто,

Никто! – о нас и близко не узнает...

...В углу прихожей крылья остывают,
На спинке стула дремлет плащ-пальто.

* * *

Не напрягайся, ежели не просят –
Тебе и так забот невпроворот!..

Устав дождить,
Вдруг взбеленится осень,
И вот вам, нате! – яблоня цветёт.

Цветёт себе –
В сырой и серой темени
Знобливых дней, где ветра круговерть,

Где нам лишь зябнуть, гнуться и болеть,
Пустой листвой потерянно греметь,

Тревожить память и перечить времени,

И надрывая душу –
Облететь...

* * *

Прольют дожди,
Но женский запах осени
Останется, сменив багряный цвет
На белизну и снежность, что приносим мы
С собой сюда, в печаль предзимних лет.

И только здесь, во кротости и робости
Опавших дней, ты всё вольна забыть...
А мне терзать, корить себя и длить
Давно тобой оборванную нить,

И вымысел приняв за Божий промысел,

Ловить твой запах, гибнуть –
И любить...

* * *

Твой прошлый день
Дождит, темнее ночи став,
Уходит в дымь, в пожухлость листьев,
В скрип
Орешника, в простудный лепет лип...

А тихий снег
Уже припал, прилип
К ветвям твоим, прокручивая клип
О безысходном
Счастье одиночества,

Где равнодушно листья пролистав,
Зима всему навяжет свой устав.

* * *

Услышь мя, Господи,
Спаси и сохрани!

Во множестве небес рассыпал я горстями
Мирьяды звёзд, но на пиру гостями
Так и остались, тусклые они.

Во множестве небес – их тьмы и тьмы! –
Я выбрал те, прости, где неземная
Любовь, собой пространство заполняя,
Несла земные запахи, дымы:

И хвою, и снега, и две лыжни,
И у печи березовы поленья,
И сутемь,
И озноб и вожделенье
Воды в бадье...

Но как тревожны дни!

Как будто всё случайное и злое
Опять со мной, с моей бедой-судьбою...

Услышь мя, Господи, спаси и сохрани,
И да прости
Грехи и прегрешенья!

* * *

Луна, криница, корень мандрагоры,
Копытник с каплей утренней росы...

Так и живу – раздоры и разоры
Завершены, и даже не проси,
И даже не мечтай
Вернуть,
Вернуться
В ту невозможность, где твоя любовь
На перепутье солнечных ветров
Узнала нас, не дав нам разминуться:

В копне ресниц, в ручьях цветов, боса,
Вся – ночь и мгла,

Вся – счастье до упаду!..

И мстилось нам – иного и не надо...

И льдистая всё иглилась слеза,
И вновь мироточили образа,

И мир переполняли голоса
Дождей и птиц,
Ветров и листопадов.

* * *

Багрянец сник и поседело золото
И стынь –
Что на душе, что в голове.

Я в лес уйду –
В дремучий и нетронутый –
И расскажу, всю правду о себе.

А о тебе смолчу – ну, как довериться
Лесной молве!
Но вспомнят дерева
И тихий всхлип, и влажные слова
Ночной травы, где ты была права,
Где до сих пор о нас тех мест насельница
Грустит – хрома, ревнива и крива:

С клюкой-метлой да с самоходной ступою,
Чтоб поглазеть – ну, хоть со стороны! –
Она, в глуши своей лесной страны,
Всё ищет нас, по мхам и росам хлюпая,

И спит в стогу,
И всё не верит, глупая,

В тот крик судьбы, что тише тишины...

* * *

Любовь невозвратима –
Всё на свете
Изменчиво!

Который день подряд
Сбиваясь в дождь, осwirепелый ветер
Несёт крупу и крупнотелый град.

Рвёт кроны и грохочет водостоками,
Швыряет в небо гниль и прель репья,
И, обессилен гибкими осоками,
Всё тщится, задыхаясь и хрипя,

Возвысить низкое и умалить высокое,

Чтобы хоть как-то
Утвердить себя.

* * *

Чем больше скажешь, тем запомнят хуже.
Болтливость – грех, хотя и небольшой.

Дорожный знак,
Каток в мазутной луже,
Луна...
И не понять, что за душой
У этих хмурых и безмолвных вязов,
Оставленных вдоль федеральных трасс –
Пока что.
Но их думы не о нас –
Скорей, о грейдерах,
Что с визгами и лязгом
Дорогу расширяют.

В тёмный час,
Когда закаты переходят в слякоть
Уснувших туч и сполохи вдали,
Выходит – посмеяться ли? Поплакать? –
На гладь бетона Дух Лесной Земли.

Зудят сверчки, поскрипывает дверца
В пустом КамАЗе, пахнут хмель и тмин.

И вдруг занует, надорвётся сердце
В холодном чреве замерших машин.

Чем больше скажешь...
Ну, да что тут скажешь!
Пустую степь обнимут ковыли,
А ты свою тоску узлом завяжешь
И вдоль дорог упавшим вязом ляжешь,
Чтоб слушать сны и шорохи земли.

* * *

А я люблю Вас... Но не тороплю.
А что там жизнь? Звучит и корчит рожи.
А счастье –
То, ну, что насчёт «люблю» –
Не зная слов, пугает и тревожит.

И выстилаясь путает пути.
И возвращаясь хочет подойти.

И почему-то подойти не может...

* * *

Стою почти у края.
Время шатко,
Изменчиво – то дремлет, то спешит.

А ночь
Нет-нет, да подмигнёт украдкой,
Да домовою – ну так, чтоб для порядка –
Газетами в чулане зашуршит.

Луна в окне,
Зависла где-то сбоку,
Плетёт свою серебряную нить.
Наш мир чреват религией итога,
Но я устал итоги подводить.

А память зла,
И совесть осторожно
Всё ищет,

Всё ведёт свой пересчёт,

Как будто между правдою и ложью
Есть место для чего-нибудь ещё.

* * *

Я это не придумал – я без слов
Узрел всё на вратах степного рая,
Куда с тобой нас вынесла кривая
Шальных страстей
Вершить свою любовь.

Седой орех
Простёр над нами длань
И пальцем в небо ткнул:
– Читай скрижали!
Но нас уже с восторгом окружали
Седьмые небеса, куда ни глянь.

Бродячих звёзд летучие костры
Кропили степь дождём метеоритным,
И Гончих Псов стремительные ритмы
Несли нас – и беспутны, и мудры.

Огромный мир, просторами повитый,
Он был – и впредь намеревался быть...

И нам бы в самый раз поговорить

О вечности,
Прощающей обиды,

И глупости, сумевшей всё забыть...

* * *

Снедает и гнетёт меня забота,
А у неё совсем простая суть:

В какую блажь,
В какую тягость года
Мне тормознуть и чуть передохнуть?

Ну, так,
Чтоб больше спи и меньше думай
О правде с потолка и на века,
О правоте любви твоей разумной,
Где всё решает левая нога.

Повосхваляй постелье и безделье,
Соседку первачом поискушай,
А на похмелье... Что там на похмелье?
Поминки лета! – горькое веселье
Пустынных роц

Да приторное зелье

Дождей и слёз,
Что хлещут через край.

* * *

Не пересилить натиск небосклона.
Они грешат, вселенские часы!
И в наши дни, как и во время оно,
Мы у небес, у вечности бездонной,
Крадём минуты, годы и часы.

И к нам с пустой сумой
Приходит бедность
И врёт о том, как сладостна нужда.
Но времени текучая бесследность
Куда важней, чем правда-правота.

И нет в любви отверженных –
Природой
Равно любимы и червяк,
И ты,
И тот дурной булыжник,
Что свободой
Забредил вдруг
И ухнул с высоты!

И вот теперь мы, то смеясь, то ссорясь,
Долбим тот камень, ну а он – гранит...
И смотрим в небо, как свинья в зенит,

И ждём, что Бог наш, Старый чудотворец,

Простит нас,
И спасёт и сохранит...

* * *

Окна распахнутая книга,
Дверной косяк.
Беззвучный след ночного крика
Уже иссяк.

И вне земных ограничений –
Теперь поверь! –
В миры свободных разночтений
Открыта дверь.

Но серый куст сырой сирени,
Что под окном,
Своё похмельное хотенье
Поднял вверх дном!

И расточая запах знойный,
Колюч и смел,
Хромой изломанный шиповник
Вдруг заалел.

И томных молний вертикали
(О, кровь-морковь!)
Нам всю-то ночь в окно шептали:
– Любовь, любовь...

* * *

Покинут, забыт?..
Ну и пусть, огорчаться не надо!
Не стоит обиду бессмысленно в ступе толочь.
Ты радость свою раздели между теми, кто рядом,
И душу не трать на вразвалку ушедшего прочь.

Не надо терзаться потерей невызревшей дружбы.
Мир чист и просторен,
И дышит доверьем к судьбе.

...И мреют сады,
И дымятся весенние лужи,

И грозы небесные
Дарят
Свой запах
Тебе.

* * *

Когда любовь скользнёт перстами
По холодам твоим и льдам,
Уткнись лицом, прильни губами
К её ветрам, её кустам,
Садам –
Они пускают корни
Вглубь, опровергая суть
Твоих снегов –
И всё просторней,
И всё небесней нам вздохнуть –

И боль забыв,
И злу не внемля,
Понять – любовь не превозмочь...

И рухнет ниц – с небес на землю –
От жажды изнемогший дождь.

* * *

Цени врагов.
Какими бы безмерными
Старателями зла большой руки
Те не были – твои ошибки первыми
Всегда заметят именно враги.

Завистники со вздрюченными нервами,
Ушкуйники, дельцы – мир многолик.
Но ты и с упырями, и с мегерами
Умел найти приемлемый язык.

И был собой,
И оставался верен

Друзьям, деревьям, слякотным снегам –
Чуть суеверен, в меру легковерен,
Бедой и болью на излом проверен...

И тайно снисходителен к врагам.

* * *

Оттепель, вороны прилетели.
Будят псов ночные крики сов.
Перезимовали, в самом деле!
И уже порядком надоели
Эти причитания капели
В ожиданье новых холодов.

Дремлют дни,
А ночи откровенно
Ждут любви, объятий,
А пока
Мендельсонят на ветру антенны,
Обручая снег и облака.

И взлетает незаметный, тайный,
С мокрых крыш –
Измотан и несвеж –

Тёплый сумрак летних обещаний
В облаках метелей и надежд.

* * *

Не стоит уходящее удерживать,
Беречь его ошмётки и следы.

В усталых реках
Лишь печаль и сдержанность,
А в павших листьях – зарево беды.

Не надо помнить то, что забывается,
И верить, что созвездия не лгут.
Птенцы небес
Взрастут, крылатой стаей став,
И сквозь тебя прочертят свой маршрут.

А уходить... Да что нам уходящее!
Нам не туда. Не там. Не по пути.
Всему черёд – подумай, пережди...

Крыльцо, порог.
Захлопни дверь скрипящую.

И в новый день – под небо, под дожди...

* * *

Опять любовь!
Не урезонит
Весну никто, хоть погибай!

Потоком диких дисгармоний
Нас окатил крикливый май.

Гром зарычит – и не до смеха!
Запомни боль, а жуть – забудь.
Страстям сестра, судьбе помеха,
Неутолимая, как эхо,
Весна всему укажет путь.

Ветрам назначит ритм и скорость,
Мечтам отмерит по делам,
И, возвратив озноб и хворость
Зиме, вернётся в тарарам
Фатальных ливней – и рассудит
Кому чадить, кому гореть,
Кому – уйти...

Но мы не будем
Об отплывавших сожалеть.
И вняв любви, ночам, рассветам,
Слезам и плачам – мы уйдём

За безрассудным первоцветом,
В просвет
Меж небом и дождём.

* * *

Забытых книг остывшие страницы,
Как трудно им к себе нас повернуть!..

Уйдёт январь,
Февраль угомонится,
А мне всё так же длиться и томиться,
Вникая в книжный вымысел и суть
Зимы –
С её обвалом и обломом
Желаний, планов, торопливых дел,
С её метельным стоном и уклоном
К тому, что я совсем и не хотел.

А позже, по весне, вникая в радости
Беспутных гроз во громе и гульбе,
Я оглянусь да и взгляну – осталось ли
Хоть что-нибудь – в душе –
Опричь усталости?

Хоть что-нибудь – для мудрости?..
Для старости?..

И не поверю самому себе.

* * *

Не верь, что дуб не ведает печали
И равнодушен к круговерти дней.
Дубы мудры, но и они устали
От желудей и зреющих идей.

Разбойный плющ оплёл твою калитку
И повитель плетень переплела.
Хоть измолиться, испоститься в нитку –
Они всю ночь творят свои дела.

Настырны, но смешливы и нежадны,
Грехов и бед не видя за собой,
Они следят, как ты свой стих нескладный
Плетёшь,
Стучишь по клавишам рукой.

Строчишь слова, пугаясь их значенья,

Пытаясь обуздать их разнобой,
Чтоб примирить с любовью нетерпенье,
С рассудком мудрость, с мудростью покой.

* * *

Мой добрый Ангел –
До чего ж нелеп он!..
В пыли, в дождях... Ну не летай за мной!
Мой путь – земной. Там и темно и слепо.
И жизнь скупа, и время так свирепо,
И пыль и зной, и бурелом лесной.

А над тобой –
Простор и ветер неба,

И небо впереди и за спиной!..

* * *

Студёный вихрь
Сметает на обочину
С дороги снег, не дав ему растаять.
Зима уйти торопится не очень-то...
Что мне отдать ей? Что себе оставить?

Что раздарить ветрам, чтоб дольше помнили,
А что снегам, чтоб легче забывали?
Глаза твои дождями переполнены.
Дожди твои простят меня едва ли.

Темным-темно...
Пора, но как не хочется!
В чертогах лета, за стеклом и сталью,
Лишь мокрый снег...
И льдится снежной талью
Душа,
И не сбываются пророчества,

И радость завершается печалью.

* * *

Тропа слепа, крива,
И не нова
Забывчивая оторопь в природе.

А где-то каплет с неба
И на взводе
Подснежная тревожная трава.

И ледниковый тает в сердце лёд,
И бредит чад лампад, и на исходе
Ущерб луны в тени окна, и бродит
По крышам ночь,
И что-то происходит –

И что-то непременно происходит

В душе твоей,
Где бездна и полёт.

* * *

Теряет осень цвет и очертанья,
И смысл,
Когда бестрепетной рукой
Большая ночь, всё просчитав заране,
Творит покой, загаданный тобой.

И сущее готовится к зиме
И торит в хлябях нам
Свой путь растанный...

И отлучаются с ночных небес туманы

Проверить
Что и как там, на Земле...

* * *

Обэриутская лексика белых снов!

Справа дао, слева – разлом:
Ломка, ислам, православные ламы,
Слалом по спинам...
Гиппопотам
Ночи
Разлёгся, на душу твою наступил.
И ни любви, ни объятий, ни крыл
Что-либо сдвинуть...
И согнуть нельзя!

Эта стезя
Не твоя,
Но скользя,
Но слезя,
Она подошла тебе бы...

Падает снег с потеплевшего неба.

* * *

Нас осень осеняет тёплым светом,
Но мы-то знаем – скоро холода.
Ещё корпим мы здесь, на свете этом,
Всё коротаем зимы и лета.

Всё мыслим о большом, но понемногу
Смолкаем, начиная привыкать
К тому,
Что нам ни дать уже, ни взять
Из короба надежд...
И слава Богу!

И слава нашим давним временам,
И свежим дням осеннего расклада,
И холодам,
И счастью снегопада,

И опустелым рощам и лесам,

Где жёлтый зимний лист –
Твоя награда.

* * *

Скорей рассудок, а не сердце
Определит тот самый путь,
Где никуда тебе не деться –
Ни тормознуть, ни повернуть.

Весы и чаши – всё у Господа,
И гири – всё в его суме!

А сердце настучится досыта
И возопит, а время – бросово,
И суета твоя барбосова,
Осядет пылью там, вовне.

И что сказать себе и городу
О жизни? Что цена ей – грош?
Ну, избодался вусмерть смолоду,
Всё норовил судьбу за бороду
Схватить...

Но лучше не тревожь
Той тишины, где слово – золото,
Где память – зло, прозреньё – ложь,
Где о любви... ну, ты поймёшь!..

И зной свой, и озноб и дрожь,
Вздохнув, безропотно вернёшь

Мерцанью звёзд, сиянью холода.

* * *

Избави, Господи,
Нас от дурного сглаза
И доброты врагов и дураков!

Убереги от приворота, глаза,
От холодов,
Когда легко и сразу
Зима накинёт свадебный покров

На хмель в саду, на улицы и лица
Твоих подруг, любивших вся и всех,

На этот наш почти безгрешный грех
Измен, забвений, краденых утех,

Где всё никак
Тоске твоей не спится,
Где плачет Сыть –
Ночной печали птица,

И не спешат от нас отворотиться

Ни Гамаюн,
Ни Щур,
Ни птица Стерх...

* * *

Сегодня ветрено и сыро,
И на тебе – ну, нет лица!
Изображаю мудреца –
Пью чай, листаю «Розу Мира».

И от предвестий не укрыться:
То Ярослав и Люцифер,
То Свет высокого Единства,
То наше горестное свинство
И неизбежность Божьих Сфер...

А за окном недомогает
Облезлый куст дворовых роз,
И на спасительный навоз –
Опять его я не привёз! –
Надежд он и не возлагает.

И пламенеет Роза Мира,
И в небе ветрено и сыро,
И стонет стылая квартира,
Где всё небесное круша,
Взопрев летает на ушах,
Меж дымной кухней и сортиром,
Грозя расправой Чёрным Дырам,

Твоя отпущенная с миром,
Давно бескрылая
Душа...

* * *

Вечерний день,
Печальник мой смиренный!
Тиха река и ночь совсем близка.
Меня галс, уходят с лёгким креном
Гружёные дождями облака.

Взыграет выпь,
Из камышей ответит
Бурчливый сом,
И, веря в чудеса,

Всё ждёт любви
В своей прохладе летней
Вдоль старых плёсов
Лесополоса.

* * *

Ничто не вечно – молкнут песни,
С пути сбиваются дороги...

Опричь себя, совсем немногим
Мы дорожим.
А что в итоге?

Нам Бог затем даёт болезни,
Чтоб мы задумались о Боге.

Чтобы мольбы
И всхлипы-слёзы
Плакучих ив – всё стало данью
Твоей скупой, как подаянье,
Судьбе,
Когда осенней ранью

Взлетят последние стрекозы,

В твоё
Поверив
Покаянье.

* * *

Будь осторожен: относись рачительно
К словам – они волшебники и маги!
Простая мысль становится значительной,
Когда её распишешь на бумаге.

И чуткость слов, их тайная отчётливость,
Нам явят и мольбу, и Божий зов,
И дух родной земли, и нерасчётливость,
И к родине предвзятую любовь...

И что нам галактическая дальность
Тех звёздных дыр, чьи чёрные костры
Безверьем нас морочат до поры!

Мы, всё-таки, достаточно стары,
Чтоб знать:
Господь – такая же реальность,

Как мир земной и звёздные миры.

* * *

Восторги
И ночные вдохновенья
Любви
Не возглашай, не славословь:
Об очень тихий камень преткновенья
Она споткнётся, Вечная Любовь.

И будут февраль, ручьи
И таянье
Сугробов,
И готовность всё забыть...

И дни твои,
Где горечь и раскаянье,
И боль,

И ничего не изменить.

* * *

Ну, скажем, дождь... Нет, первый снег
И мокрый запах луга!

А время замедляет бег
И умудряет вся и всех
Унять, умерить свой разбег
И возвратиться на ночлег
В свою шалаш-лачугу,

В тот самый рай свой, где в снегах –
Да нет, в дождях и травах! –
Дыханье неба на губах
И прель плодов, и пух и прах
Цветов в слезах-отравах,

И первый снег – он в душу вхож,
И понят, и услышан...

Пусть будет снег!

А всё же дождь
Мне и верней
И ближе...

* * *

Исцелимы ли скудость – и скупость,
Если жизнь уже вся за плечами?

Невезение – кара за глупость!

Опоённый слепыми дождями,
Старый тёрн
Надломился и рухнул
Под обильем ветвей и плодов.

Вот и дожили до холодов
Наши внуки!

И хватит ли рук нам
И ума,
Чтобы вынести тяжесть
Той небесной воды

И огня,

Где своё невезенье кляня,

Старый тёрн,
Кочевряжист и кряжист,
Пал в траву в завершение дня.

* * *

Не надо бояться жить иначе,
Не надо бояться любить
Свой дымный, свой зимний,
Свой стынущий
Очаг,
Паутинную нить
Простудной, прилипчивой
Мороси,
Растерянность брошенных ив –

Весь этот багряный размыв
Осенних закатов,
Что вскорости
Угаснут
И в горестной горести

Покинут нас, всё позабыв...

* * *

Наука объяснит, она умеет:
Всё это так, а не наоборот!

Два полушария в мозгу твоём – и вот
Одно всё больше чувствами берёт,
В другом же рассужденья и расчёт,
И светлы мысли теплятся и тлеют.

Ну а душа, в житейском оптимизме
Уверовав в бессмертие своё,
То пачкает младенчески бельё,
То воспаряет, удивляясь жизни.

И соскользнуть с орбиты не умея,

Влекомая в свой заданный полёт,
Таращится, пугается и льнёт
К земным твоим следам –
И цепенеет,

И, угасая, теплится и тлеет,

И счастлива,
Что всё-таки живёт...

* * *

Исполнится надежды и отваги
Любовь твоя, когда, ну хоть в стихах,
Пусть вкривь и вкось, и вовсе кое-как,
Хоть на клочке обёрточной бумаги,
Но ты её удержишь!..

И разъяты
Тогда все пути сбившейся судьбы,
И простодушной ланью ворожбы
Сам не поймёшь,
Как будешь в полон взят ты.

И жимолости мреющее рденье
Расскажет вновь как те две капли зла,
Что, видно, для меня ты берегла,
В траву упали – там, где наши тени
Остались, чтобы выгореть до тла –

Там, где стихам
Ни крова, ни угла,

Лишь слов и снов гремучая зола,

Прохлада и нектар
Твоих коленей

И бёдер помрачительная мгла.

* * *

В небесных кронах
Гаснут звёзды-листья,
Не хватит спичек вновь их зажигать!..

С дурным вином пузатая канистра
Шипит, себя готовая взорвать.

И нет надежд на что-либо иное
В чреде ветров, туманов и дождей.
Лишь пыль-ковыль да марево степное
Ещё мелькнут воспоминаньем зноя
О той любви,
Что не ушла со мною,
Осталась здесь, чтоб в зимнем непокое

Хранить тебя
И сберегать былое –

И нет её печальней и верней.

* * *

*«Мы как птицы из стаи турманов –
нас и в золотую клетку не посадишь.»*
Светлана Макарова. «Птицы из стаи турманов»

И пусто на душе,
И за душой прохлада.
За окнами гроза пускает пузыри:
Рычит на небеса, льёт ливни без огляда
И громко о своём с богами говорит.

Ну, что нам загадать
И что ещё придумать?
Иной разрез крыла, пера иную стать?
Забился на чердак вихрастый белый турман,
Успев на всём лету усвоить и понять,

Что счастье – сплошь гроза,
Любовь – полёт сквозь ливни
За семь земных небес в сиреневом дыму –
Туда, где дом и сад,

И на заборах пивни
Горластые твои вникают в кутерьму

Несбывшихся надежд – отчаянных и шумных,
Взывающих прощать,
Терзаться, сострадать...
И рядом небеса,
И ты. И белый турман,
И мимолётных птиц вся ангельская рать...

* * *

*«Как странно, но вечер в тот день не настал,
Хоть солнце на западе село беспечно.
Художник картину свою дописал –
И просто ушел...»*
Ирина Глазырина. «Возвращаюсь к себе»

Под мелким,
Под мерзким дождиком
Вам сладок табачный дым.
Завидую всем художникам,
Но больше всего – плохим.

Куражится осень, кружится,
Невиданная досель.
И кажется вам ненужностью
Размытая акварель.

Снимаются краски ножиком,
Останется холст пустым.
Завидую всем художникам,
Но больше всего – плохим!

Загадочной, странной, сказочной
Завидую их судьбе:
Завидую за несказанность,
Что носят они в себе.

– 1959 –

* * *

За все огрехи было на орехи
С тобой не раз нам!..

От себя устав,
Я вновь свои заиленные реки
Забывших слёз пересекаю вплавь.

И жду, что там,
Где так телесны тени,
Там, где лишь боль себе находит кров,

Нам будет вновь дано начать с азов...

И обретёт земное тяготенье
Твоя – давно небесная – любовь.

* * *

Никто о том не знает, кроме Бога:
Ещё не время нам понять сполна
Твоя ли предугадана дорога,
Твоя ли предуказана страна.

Гадать о том никто не правомочен.

Но тополиным пухом облетев,
Мы будем помнить
Плач стрекоз полночных,
Любовь дождей,
Печаль пустых обочин –

И этот вечный
Благовест дерев...

Дополнительный материал к электронной версии сборника:

...И добрый Ангел за спиной

(о сборнике стихов Алексея Горобца «И полыхал пожар дождя...»)

Новый сборник стихов Алексея Горобца с метафоричным названием «И полыхал пожар дождя...» вышел в краснодарском издательстве «Раритеты Кубани». Надо сказать, что сборник этот для поэта десятый по счёту, юбилейный. Данное, нерядовое в жизни каждого писателя событие подспудно требовало от автора такого же подхода к наполнению книги, с тем, чтобы представить читателю лучшее из созданного за годы творчества и, одновременно, удивить и порадовать его новыми находками, раскрывающими до той поры неизвестные грани поэтического дарования виновника события. Другими словами, сборник должен был стать не скучной «точкой», а яркой «запятой». У Алексея Горобца это получилось.

Стихи, которые вошли в сборник, знакомы читателю и неожиданно новы, глубоко философичны и по-юношески вольнодумны. Привычная читателю задумчивая неторопливость горобцовских стихов сменяется рубленой ритмикой и отрывистостью фраз, почти неизвестными нам по его предыдущим книгам. При этом Алексею Горобцу по-прежнему удаётся оставаться глубоким в мыслях и чувствах и притягательным для читателя в их выражении.

*Окна распахнутая книга,
Дверной косяк.
Беззвучный след ночного крика
Уже иссяк.*

*И вне земных ограничений –
Теперь поверь! –
В миры свободных разночтений
Открыта дверь.*

Мы видим как за потрясающими по глубине и силе разворачивающимися картинами вселенского бытия, в которых поэт приоткрывает нам тайны человеческой природы и которые он непостижимым образом рисует всё теми же простыми и понятными каждому словами («Усталая мгла поспешает навстречу рассвету...»), следуют авангардные образы, в которых «православные ламы» (только вдумайтесь в это!), теснимые «гиппопотамом ночи», растворяются в «обериутсткой лексике белых снов».

Не стоит, однако, думать, читая «ультрасовременную» «Обериутскую лексику», что поэт исчерпал себя на привычной для него ниве созерцательно-философской лирики. Отнюдь. В этом стихотворении-манифесте скрыт вызов. Вызов «модным» салонным поэтам, активно пропагандируемыми толстыми столичными журналами в качестве «подлинных» стихотворцев современности. «Я могу писать, так, как пишете вы, – говорит Алексей Горобец, – а вы сможете писать стихи так, как делаю это я?..»

Едва ли...

За какую бы тему ни брался Алексей Горобец, к каким бы выразительным средствам не прибегал в своей поэзии, он, как и прежде, убедителен и точен и, что не перестаёт восхищать поклонников его таланта, как всегда элегантно красив. Таким элегантным и красивым во всех отношениях и увиделся мне этот юбилейный сборник.

Возможно, кому-то мои слова покажутся пристрастными, но, что поделать, люблю я эту поэзию высокого полёта, в которой нет места изъяну, как нет ему места в шуме морского прибоя или в сиянии ночного неба. Точно так же любят поэзию Горобца сотни других ценителей русской поэзии во всех уголках земного шара. Вот лишь несколько откликов на некоторые стихи данного цикла: «...ощущение, что с нами небо разговаривает» (Л. Сашина на стихотворение «Ну, скажем, дождь, нет, первый снег...»), «...так только Горобец и умеет, хорошо до озноба» (Н. Ягова на стихотворение «Промоклые растрёпанные ветры...»), «...по-прежнему не понимаю, как Горобец делает это... всех уже понял, а его нет...» (Борис (Уменямянету Этоправопоэта) на стихотворение «Не напрягайся, ежели не просят...»).

Интересная деталь: книги Алексея Горобца не содержат датировки стихотворений. Это незначительное, казалось бы, обстоятельство порой приводит к курьёзам, которые лишь свидетельствуют о силе природного дарования поэта. Мало кто знает, что вошедшее в сборник стихотворение о волчице «Её искал я три нелёгких дня...», вызывающее у читателей неизменное удивление свежестью взгляда на мир и нестандартностью своей конструкции, которая в одну секунду переворачивает представление читателя о только что прочитанном, написано более полувека назад в 1958 году. Вчитайтесь, вслушайтесь в него.

*Её искал я три нелёгких дня.
Мы, наконец, друг друга повстречали.
И вот она взглянула на меня
Разбойными холодными очами.*

*Мы замерли.
И сразу, вразворот,
Она рванулась – выстрелу навстречу!..
И захрипев,
Свалилась на живот,
Под шерстью напрягая волчьи плечи.*

*Багрилась волчьей яростью земля,
На мёртвых травах слёзы замерзали.*

*И мир смотрел, ощеряясь, на меня
Моими
Опустевшими глазами.*

И конечно, любой, наверное, удивится, узнав, что очаровательно-воздушное «Завидую художникам...» датируется далёким 1959 годом.

Особую, на мой взгляд, ценность этому сборнику придаёт и то обстоятельство, что в нём поэт постарался максимально выразить себя и свой внутренний мир, отринув условности читательского спроса и постаравшись сохранить в книге то, что особенно дорого ему самому. Видимо поэтому книга «И полыхал пожар дождя...» так близка по духу другой книге А. Горобца «Простудятся в траве босые осы...» (2002), в которой поэт впервые предстал перед читателями в свой полный творческий рост – дерзкий новатор, тонкий лирик, глубокий философ, смелый в выражении мыслей и чувств и, самое главное, поэт, не боящийся оказаться непонятым.

Пожалуй, у поэта и в самом деле нет причин для тревог. Ведь за спиной его всегда стоит добрый Ангел, которому Алексей Горобец посвятил эти строки:

*Мой добрый Ангел –
До чего ж нелеп он!..
В пыли, в дождях... Ну не летай за мной!
Мой путь – земной. Там и темно и слепо.
И жизнь скупа, и время так свирепо,
И пыль и зной, и бурелом лесной.*

*А над тобой –
Простор и ветер неба,*

И небо впереди и за спиной!..